

УДК 156.8

Т.В. Черепанова

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ХАРИЗМАТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Харизма как вид социального взаимодействия лидеров и масс, приобретает большое значение в периоды, когда на повестку дня страны ставится вопрос о сохранении её целостности и поиска выхода из возникшей критической ситуации. Современные исследователи, вслед за М. Вебером определяют харизму как качество личности, которая благодаря дарованной свыше благодати, дара, способна оказывать на окружающих сильное влияние. Причем природа этого влияния сводится к божественной одаренности личности сверхъестественными способностями. Вследствие такого объяснения, в последнее время понятие харизмы вошло в широкий научный, публицистический и повседневный оборот.

Харизма, как феномен, имеет значение для социологической науки с точки зрения исследования её социального, политического или экономического последствий для общества в целом. Исходя из веберовской трактовки, харизма есть революционная сила, основная функция которой – установление нового социального порядка, чуждого всем предыдущим традициям. Харизма пробуждает внутренние силы общества, трансформируя «...направления мышления и действия при полной переориентации всех установок ко всем отдельным формам и к «миру» вообще» [1, с. 647-649]. Таким образом, харизма порождает в обществе харизматический процесс, который приводит к качественным изменениям всех структур общества.

Для исследования харизматических процессов, необходимо выделить предпосылки этого явления социальной жизни. Выделение в харизматическом процессе одной или нескольких детерминант даст возможность исследователям прогнозировать возможную реакцию населения на ту или иную ситуацию. С этой целью необходимым представляется выделение социокультурной и кризисной составляющей харизматического процесса в отдельные социологические категории.

Харизматический процесс подчинен основным социальным закономерностям, определяющим направление развития той или иной ситуации в обществе. Социологическая наука подходит к данному процессу с двух позиций, выделяя первостепенность социального или лидерского детерминизма. М. Вебер и многие его последователи, придерживаются той точки зрения на харизматический процесс, которая исходит из кризисной детерминанты этого процесса. Социальный, политический или экономический кризис в обществе, по их мнению, формирует в обществе склонность к поиску содействия сильной воли, воплощать которую, призван харизматический лидер. В общественном сознании терпящего кризис общества, нарушаются механизмы, обеспечивающие гармоничное

функционирование системы внутренних и внешних связей. В связи с нарушением равновесия системы, актуальным становится процесс поиска личности, которая может вернуть утраченное status quo. Кризис, в данном случае, выступает в роли стимула для поиска личности спасителя.

Подход к исследованию природы возникновения харизмы и связанного с ней процесса, как необходимой составляющей кризисного общества, несомненно имеет рациональное зерно. Тем не менее, этот подход сужает рамки данного явления только как неизбежного элемента кризисного общества. В этом подходе не рассматриваются те ситуации, когда возникновению харизматического процесса *не* предшествует кризис. И, наоборот, обстоятельства, когда в стране имеется состояние ярко выраженного общественного кризиса, тем не менее, *не* возникает харизматический процесс.

Р. Лепсьюз, исследовавший харизматический процесс, имевший место в Германии в период прихода Гитлера к власти, выделяет в нем два последовательных этапа: скрытую и явную харизматическую ситуацию [2, р. 53-54]. Скрытая, латентная ситуация включает культурную легитимацию харизмы и социальный опыт кризисных ситуаций, сочетание которых может привести к подобному явлению. Скрытая харизматическая ситуация переходит в явную только в случае появления подходящей фигуры лидера, которого общество принимает в качестве спасителя, наделяя его харизматическим ореолом и вверяя ему ответственность за судьбу общества.

КУЛЬТУРНАЯ ЛЕГИТИМАЦИЯ ХАРИЗМЫ

Культурная составляющая харизматической латентной ситуации представляет собой совокупность национальных культурных традиций почитания харизматического лидера.

Это особый вид национальной ментальности, дающий основания предполагать, что в данной культуре возникновение харизматического лидерства возможно. Корни харизматической предрасположенности лежат глубоко в истории народов в виде архетипов, образцов и символов, определяющих характер реагирования на исторические события или властные отношения. Французский социолог Г. Лебон исследовавший взаимосвязь масс и харизматических лидеров предполагает, что национальный менталитет детерминирован моральной и интеллектуальной идентичностью, в совокупности представляющих душу народа [3, с. 9]. В странах, где монархические и авторитаристские формы власти имеют глубокие социокультурные корни, харизматическое лидерство имеет большие шансы, чем в странах, где сильны демократические или либеральные традиции. Этот тезис можно подтвердить, проанализировав социокультурные предпосылки харизматических процессов в странах, где они имели наиболее яркие выражения в XX веке: в Германии и России.

Из истории известно, что некоторые народы, например немцы, более склонны к харизматическому типу лидерства. Многовековая борьба за национальное единство и независимость немецкой государственности, породили такие черты истинно немецкого характера как воинственность, авторитаризм, педантичность в любых делах, дисциплинированность и фанатическая преданность сильной власти. Эти

черты формируют пресловутый арийский характер, переросший в XX веке в идейно-политическое течение национализма и расизма. Для того, чтобы представить масштабность склонности немцев к сильной власти, достаточно вспомнить наиболее почитаемых немцами политиков Фридриха Великого и Бисмарка – людей железной воли и жестокости. Неудивительным представляется в этой связи тяготение немецкого народа к сильному, авторитарному руководителю немецкой нацией, управляющего немецкой сверхнацией. Превосходство немецкой нации воспевается в мифах, легендах, произведениях искусства. Особенно очевидным оно становится в начале XX века, когда под влиянием некоторых выдающихся философов-германофилов формируется образ настоящего арийца и складывается националистическая доктрина пангерманизма.

Еще одной уникальной чертой немецкого народа в начале XX века является всеохватывающая склонность к оккультизму и магическому мышлению. При всей своей склонности к точным наукам и философии, сознание немецкого народа все же остается глубоко иррациональным, подверженным метафизическому восприятию мира. Складывается особый миф об арийском превосходстве, поддерживаемый учеными и творческими деятелями времен правления Гитлера. В своих произведениях эти авторы проповедовали немецкий дух, восходящий к духу могучих предков, якобы справедливо властвовавшими над миром. История германского народа подвергалась магическому истолкованию, где немцы отождествлялись со священным богоизбранным народом, чье превосходство пытались подтвердить национальными мифологическими сюжетами.

Таким образом, идея национального превосходства, глубоко укоренившаяся в немецком национальном сознании ко времени прихода к власти Гитлера, способствовала реализации Гитлером основных чаяний немецкого народа. Гитлер в своих публичных выступлениях, умело используя оккультизм немецкого сознания, доказывал превосходство арийской расы и её право на мировое господство. Именно подогревание мистического мировосприятия на почве расового превосходства вознесло Гитлера на пьедестал, окружив его харизматической аурой.

Несколько иная трактовка национальной склонности к сильной власти сложилась в исследованиях менталитета русского народа. Так, если германская история рассматривается в духе непрерывной вражды с другими нациями и рьяной воинственности, то русскому народу более свойственно покорное почитание и боязливая отстраненность от власти. На такое восприятие власти у русского народа наложила отпечаток многовековая традиция монархизма и устойчивость христианских догм. Покорность власти монарха, «помазанника божьего», для русского человека есть моральный долг перед богом. Легитимация монаршей власти таким образом, ставит высшую государственную власть в недостижимое положение, а покорность и почитание власти является святой обязанностью для русского человека.

Воспетая терпеливость, миролюбие, отсутствие агрессии по отношению к другим народам, тем не менее, не позволяет русскому сознанию терпеть угнетение со стороны пришлых завоевателей. История российского государства знает множество примеров, когда на борьбу с внешним агрессором, прежде разрозненный

народ, встает как один на борьбу за свободу и независимость. Таким образом, харизматический лидер воплощает для русского народа идею борьбы за независимость от внешних сил, тогда как внутренняя покорность для русского характера является вполне приемлемым и, даже более того, привычным состоянием.

Итак, культурная составляющая латентной харизматической ситуации кроется в специфичности культурной традиции в отношении власти. Эта специфичность должна содержать более или менее интенсивную идею того, что некие трансцендентные силы способны влиять на человеческую судьбу. Носителем этой силы считается личность, экстраординарные способности которой дают ей возможность осуществлять в мире людей такие трансформации, которые не доступны рациональному осмыслению.

СОЦИАЛЬНЫЙ КРИЗИС

Культурная легитимация харизматического лидерства усугубляется осознанием и опытом кризиса. Субъективное ощущение кризиса, проявляющееся в осознании индивидуальной слабости и бессилия влиять на него, дополняется и усиливается реальным объективным кризисным положением в стране: в экономической, политической и социальной сферах.

Процессы модернизации в социальной и политической сферах, усиливает индивидуальное чувство кризисного состояния. Кризис сознания характеризуется состоянием аномии, кризисом идентичности, фрустрацией, побуждающей обращаться к суевериям, мифам, предрассудкам. Правила и закономерности прежнего социального пространства перестают действовать, прерывается преемственная связь между поколениями людей. Прежний опыт не передается в кризисном обществе посредством знаний и правил, заменяясь комплексом мифосюжетов, где основным элементом является система символов. При этом, кризисное сознание освобождается от сложной процедуры рефлексирования, ограничиваясь готовыми образами и шаблонами, заключенными в мифе.

Кризис, сопровождающийся социокультурными сдвигами в мировоззренческой сфере, наполняет субъективный мир индивида хаотической разобщенностью его составных элементов. Прогрессирование кризиса практически исключает способность сознания адекватно воспринимать все многообразие модернизации, уступая место упрощенным схемам структурирования мира, осуществленным в мифе. Кризисное сознание воспроизводит, таким образом, наиболее архаическую форму восприятия реальности, иррационализируя сам кризис и пути его преодоления.

Находясь в состоянии аномии, под угрозой потери идентичности, утратой чувства принадлежности к группе, индивиды испытывают необъяснимую, подсознательную тягу к сильной власти, открывающей перспективы благополучного разрешения кризиса. В первую очередь к сильной направляющей руке, вождю, с идеей радикального преобразования системы, способного контролировать мощные разрушительные силы и гарантирующего спасение.

Остановимся более подробно на причинах и следствиях социального кризиса, взяв за основу теоретические разработки Э. Дюркгейма, чей труд о влиянии

социального кризиса на социальное и индивидуальное настроение внесло заметный вклад в социологическую науку.

Аномия, детально исследованная в трудах Дюркгейма с целью выявления социальных процессов в ситуации недостаточной регламентации, определяется как состояние безнормности, отсутствие ценностей в обществе. Дюркгейм теоретически воссоздал современное ему индустриальное общество, испытывающее на себе техногенные перегрузки и связанные с ними социальные конфликты. По его мнению, нарастающий рост механизации труда, сопровождающийся социальным отчуждением, порождает такие социально-психические явления, как безверие, уныние, крушение идеалов. Этот процесс затрагивает все общественные структуры в целом, приводя к аномии в структуре общественного сознания всего общества [4]. Достигая всеобщности, аномия затрагивает все социальные структуры и отношения.

Согласно представлениям Дюркгейма, человеческому сознанию свойственно дихотомическое представление о священном и светском. Священное проникает в сознание еще на заре истории, поскольку невозможность познания окружающего мира подсказывает людям ощущение присутствия каких-то внешних сил, и эта высшая сила исходит от общества. Члены общества постоянно осознают свою зависимость от общества, которое требует от своих членов отказа от индивидуальности в пользу общества. Объединяясь с членами общества, человек участвует в коллективном ритуале, цель которого в приобщении к сакральному. В сообществе непременным условием являются исполнение ритуалов и традиций, отсутствие же этих общественных символов отражает непрочность, временность сообщества. Совместные праздники и ритуалы предполагают взаимное сплавление членов сообщества, каждый член которого четко идентифицирует себя с ним.

Немаловажным моментом подобного процесса взаимной консолидации членов группы является идентификация с вождем, предводителем и гарантом символов общества. Вождь, в представлениях Дюркгейма, есть порождение общественного сознания, суть которого сводится к сакрализации общества [5, с. 3-4]. Вождь предстает как сама персонифицированная общность, он наделен символами сакрального и священного в силу общественной значимости. Таким образом, вождь значим в общности не в силу своих внутренних качеств, он наделяется свойствами сакрального, исходя из потребностей общности в идентификации. Утрата обществом чувства связи на основании единого вождя, значимых символов, обеспечивающих единство, рождает чувство потери единого жизненного стержня. Это состояние сродни всеобщему шоковому состоянию, потрясающему все уровни социальной жизни. В эти периоды социальные взаимодействия приобретают наиболее активный характер, вызывая так называемые коллективные «бурления», как основной движущей силы революций и войн. «Бурление» затрагивает все сферы жизни общества, вовлекая подобно воронке в свой круг все общество [6, р. 210]. Индивидуальные отличия в этом состоянии сглаживаются, личность утрачивается, уступая место коллективному агенту, массе. В массе личность приобретает иные, отличные от его обычного состояния черты, особую активность и храбрость. Единство и сплоченность массы достигается за счет объединения вокруг лидера и его идеи.

Лидер, описанный Дюркгеймом, вполне соответствует харизматическому типу лидера М. Вебера. В работах Дюркгейма нет прямого упоминания о харизме, тем не менее, его разработки относительно кризисных социальных предпосылок харизмы явственно указывают на важность этого аспекта при исследовании данного феномена. Проблематика социальных состояний, подробно представленная в его работах, дает основание предполагать непосредственную связь социального кризиса и харизматического процесса.

Состояние неопределенности и двойственности, которое испытывает индивид, находящийся в состоянии кризиса, лишает его ощущения порядка, гарантированного связью с центром. Утрата ощущения порядка делает людей более склонными к поиску субъекта идентификации в лице харизматических лидеров. Харизматический лидер конструирует в сознании некий символический порядок, модель идеального общества.

Таким образом, для исследования особенностей кризисного общества и места в нем харизматических лидеров, необходимо более детально рассмотреть теоретические аспекты взаимодействия массы и лидеров в обществе. Начать было бы логично с работ Т. Парсонса, в трудах которого широко представлены как собственные разработки, так и анализ взглядов М. Вебера относительно харизмы.

Роль и место харизмы в социальной структуре определяется ее связью с упорядоченностью социальной системы. Парсонс определяет харизму как свойство некоторых индивидов или действий отличаться от повседневного, рутинного устройства реальности [7, р. 662-669]. По отношению к подобным состояниям общество испытывает особое уважение и почтение, возводя их в священное. Харизма обеспечивает функционирование в обществе моральных ценностей, роль которых, наряду с почитанием священного, заключается в согласованности социальной системы. Харизма входит в систему представлений о сверхъестественном, тем самым, обеспечивая легитимность должного порядка.

Таким образом, Парсонс определяет харизматическое свойство особым качеством индивидов или вещей, которое легитимирует социальное действие в обеспечении порядка. Харизматическое качество приписывается лидеру в силу его связи со священным, придавая его действиям теологическое значение. Вклад Парсонса в разработку теории харизмы как особого рода социального действия, помимо его теософского значения, подводит базу под исследование харизмы как эмпирически наблюдаемого действия, имеющего место при объяснении глобальных социокультурных изменений. Идея Парсонса о соотношении харизмы с легитимностью тех или иных преобразований особенно ценна при анализе модернизационных процессов в обществах, находящихся в состоянии перманентного кризиса.

Идея Парсонса о связи харизмы со священным, как свойством центра социальных изменений, получила дальнейшее развитие в исследованиях Э. Шилза, Ш. Айзенштадта, Кл. Гиртца и др. В этих разработках также заметно влияние ряда творческих идей Дюркгейма и Вебера относительно харизматического феномена. Авторы данного подхода, принимая теорию харизмы М. Вебера, исследуют её несколько с другой стороны. Соглашаясь с тем, что рациональный и традиционный

типы авторитета являются санкционированными традициями и законом, то, предполагают авторы, харизма и есть эта санкция, дающая право на всякое лидерство.

Харизма, по мнению упомянутых авторов, олицетворяет метафизическую потребность людей в порядке. Порядок есть установленное соотношение внутри социальных систем, дающее индивидам чувство стабильности. В повседневной жизни существуют определенные смыслы, концепции социальной реальности, взаимодействие между которыми упорядочено и наделено смыслом. Общество функционирует согласно той системе ценностей, которая по мнению Шилза регламентирована центральным сектором общества.

Харизма, согласно этой концепции, как важная составная часть социальной жизни, располагается в этой центральной зоне социума [8, с. 121]. Близость к центру определяется для харизмы её связью с регламентирующим, всеобъемлющим законом бытия, символическим пространством человеческого существования. Харизма в этой связи приписывается тем индивидам, которые находятся в непосредственной близости к основополагающему центру мироздания, что облекает их авторитетом, дающим право на властвование. Харизма осуществляет, по мнению Шилза, связь с сакральным миром. Она воспринимается как божество, создающее универсум, контролирующая социальный порядок и руководитель инновациями [9, с. 348].

Нарушения во взаимодействии между правящим центром общества и его периферией, разрыв регламентирующих связей, вызывает в сознании чувство утраты равновесия, угрожающее разрушением всей системы. Социальный порядок разрушен настолько, насколько индивидуально ощущаемый разрыв между структурами общества отражен в сознании. Таким образом, осознаваемый кризис требует содействия в уравнивании социальной системы от могущественного лица, приближенного к центральным структурам общества, роль которого исполняет харизматический лидер.

ВЫВОДЫ

Харизма, таким образом, представляет собой социальный механизм, служащий как сохранению и поддержанию символического порядка, гарантирующего восстановление разрушенного социальным кризисом взаимодействия между жизненно важными сферами общества, так и служащий модернизации социальных систем и отношений. Нарушение в функционировании социальной системы порождает потребность в личности или событии, которое обеспечит восстановление порушенного кризисом соотношения между жизненно важными элементами бытия. Разрушение традиционных связей центра и периферии, утрата в связи с этим привычных символических структур, вызывает у индивидов чувство растерянности, приводит к фрустрации, сопровождающееся утратой социальной, национальной, религиозной и др. идентичности.

Наличие в обществе скрытой харизматической ситуации, выраженной в исторической обусловленности харизматического лидерства и наличием яркого кризиса, переходит в явную харизматическую ситуацию при появлении достойного претендента на харизматическое лидерство. Личность лидера, способного

воплотить роль великого вождя, требует глубоких социально-психологических исследований.

Список литературы

1. Вебер М. Политика как призвание и профессия. Вебер М. // Избранные произведения: Пер с нем., сост., общ. Ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. Гайдено П. М., Прогресс, 1990.
2. Rainer Lepsius. Charismatic Leadership: Max Webers Model and Its Applicability to the Rule of Hitler. \ \ Changing Conceptions of Leadership, Springer Verlag New York Inc., 1986 Chapter 4.
3. Лебон Г. Психология народов и масс СПб., 1995
4. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. СПб, Союз 1998.
5. Дюркгейм Э. Первичные формы религиозной жизни. – К., 2004.
6. Дюркгейм Э. Хрестоматия по социологии религии. Сост. В. И. Гараджа, Е.Д. Руткевич М. Аспект Пресс 1996.
7. Parsons T. The structure of social action: Glencoe: The Free press. 1949.
8. Shils E. Centre and Periphery. The Logic of Personal Knowledge: Essays 1961.
9. Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход// Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., Прогресс, 1972 С. 341-359

Поступило в редакцию 12.02.2005